

мов». «Идеализм» как потакание собственному самолюбию, пустопорожнее мечтательство, «псевдоученное» теоретизирование, философия «сытых» им категорически изживался в себе и отрицался в других. Но «идеализм» как абсолютная человеческая потребность в осмыслении и оправдании собственного бытия духовными нормами, идейными принципами, идеалами всеобщей и личностной гармонии им бережно сохранялся и пестовался в своей душе в течение *всей* его жизни.

Поэт, чуть не утаивая от себя самого тягу к идеалу, к жизни иной, подлинной, достойной, освященной людским благородством, — в противовес прежде заявленной им «магистральной» творчества и ее малому «знамени» («Стишки! Стишки! давно ль и я был гений?..», 1845) — словно бы подспудно, пунктирно, то едва заметно, то вдруг зримо и ярко, но с какой-то нарастающей настойчивостью стал в своих стихах позволять проявления иной, *идеальной* и, надо полагать, «любимой» им Музы. То это оказывался вставной музыкальный номер из некрасовской мелодрамы «Материнское благословение» (1842), ставший отдельным и популярным его стихотворением («Песнь Марии»). То это был очередной горький набросок «для себя», как бы «не отосланное письмо» к сестре Анненьке по поводу ее, по-видимому «из разумных соображений», замужества («И так за годом год...», 1844). То «стильная» вещь в духе эстетики пушкинской эпохи («Пускай мечтатели осмеяны давно...», 1845). А то вдруг светлый аккорд среди дисгармонических звуков некрасовской любовной лирики («Ты всегда хороша несравненно...», «Я не люблю иронии твоей...», «Мы с тобой бестолковые люди...», 1847—1851; «Бьется сердце беспокойное...», 1855, 1874) или задушевное воспоминание («Памяти Асенковой», 1855).

Именно в середине 1850-х для Некрасова впервые с такой резкой определенностью выдвинулись вперед вопросы ценностной оправданности своего жизненного пути и черт собственной личности. Со временем эти вопросы станут только усугубляться, превращаясь в публичный самосуд поэта. Открывшись «Последними элегиями», признаниями «Еще скончался честный человек...», «Не знаю, как созданы...», «Наследством», этот ряд стихотворений вберет в себя и «Поэта и гражданина», и «Рыцаря на час», и так называемую «покаянную» лирику, и поэму «Уныние».

Поэт возводит в ранг субстанциональной антиномии вопрос о том, что сущностнее: жизнь со всей ее рутинной, ложью, пошлостью... и чувственными радостями или принесение самой этой жизни на не сулящий никаких действительных результатов (кроме славного ореола мученика) жертвенный алтарь служения социальным, моральным, метафизическим идеалам:

Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу,
Но *гибнуть жертвой убежденья*
Я не хочу — и не смогу!..

(Т. 3. С. 279)

Но, повторимся, мука Некрасова в том и состояла, что для него *обе правды* — и «правда» физического существования, и «правда» духовного оправдания бытия — были великими и безусловными Истинами. Поэт склонял голову перед подвижничеством героев:

...Не хуже нас он видит *невозможность*
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любит он возвышенной и шире...